

Г. М. Ниязова

СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА ЭТНОЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА

Вопрос о проявлении толерантности в языке имеет много аспектов. В современном полиэтничном регионе этнолингвоинформационное пространство строится через отношение к разным народам, говорящим на различных языках, которое продуцируется на политическом, государственном и на личном, человеческом уровнях. Количество этнолингвофункциональных расхождений, в частности, определяет степень нарушения системы отношений личности к различным этническим признакам, включая обобщенный этнический признак (собственную этничность по самоопределению), т. е. этноида. Этноид имеет как культурно-пространственную (средовую), так и временную (историческую) составляющую.

В классической этнопсихологии этническая идентичность понимается как отнесение себя к тому или иному этносу или группе этносов. Рассматриваются также так называемые компоненты этнической идентичности — когнитивный и аффективный — этнодифференцирующие признаки, характеризующие эту идентичность, такие как представление о родной земле, язык, религия и др.¹

В полиэтничном пространстве Тюменского региона происходят активные процессы взаимопроникновения языков и культур. Установление языковых предпочтений СМИ способствует пониманию современных языковых трансформаций в обществе и осуществлению более эффективного языкового планирования с учетом уже имеющихся и возникающих в процессе реализации новых направлений и проблем, что поможет наметить пути регулирования языкового баланса как в регионе, так и в самой России. Рассмотрим динамику взаимопроникновения языков и культур на материале тюменской региональной прессы: русский язык → хантыйский язык, русский → татарский, русский → английский. Однако нельзя сказать, что этот процесс односторонний, параллельно мы наблюдаем и обратный процесс, когда русский язык в региональном пространстве становится реципиентом (см. табл. 1, 2, 3). С одной стороны, наблюдается рост заимствований из

НИЯЗОВА Гульсина Мавлютовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований ТюмГУ, заслуженный работник культуры РФ (E-mail: gulsina-55@mail/ru).

© Ниязова Г. М., 2007

Таблица 1

Динамика заимствований* в газете «Тюменская правда»

Из языков	1984		1994		2004	
	слов	%	слов	%	слов	%
Иностранных	58	95	110	83	229	96
Тюркских	3	5	13	10	8	3
Финно-угорских	0	0	10	7	2	1
<i>Всего</i>	<i>61</i>	<i>100</i>	<i>133</i>	<i>100</i>	<i>239</i>	<i>100</i>

* Здесь и в табл. 2, 3 выборка из каждого 5-го номера газеты.

Таблица 2

Динамика заимствований из русского языка в хантыйской газете «Ханты Ясанг»

Сфера употребления	1994		2001	
	слов	%	слов	%
Экономика	191	12	25	3
Политика	659	41	419	46
Наука/образование	327	20	183	20
Искусство/культура	228	14	229	25
Социальная сфера	201	12,5	40	5
Досуг	8	0,5	9	1
<i>Всего</i>	<i>1614</i>	<i>100</i>	<i>905</i>	<i>100</i>

Таблица 3

Динамика заимствований из русского языка в татарской газете «Янарш»

Сфера потребления	1995		2004	
	слов	%	слов	%
Экономика	11	6	32	4
Политика	52	27	232	34
Наука/образование	21	11	128	19
Искусство/культура	44	23	79	11
Социальная сфера	59	31	177	26
Досуг	3	2	38	6
<i>Всего</i>	<i>190</i>	<i>100</i>	<i>686</i>	<i>100</i>

русского языка (см. табл. 2, 3), а с другой, мы видим и обратный процесс (см. табл. 1), что позволяет говорить о региональном характере функционирования языка как такового, а кроме того, наглядно демонстрирует, на наш взгляд, специфику региональной картины мира.

При анализе регионального издания на хантыйском языке «Ханты Ясанг» прослеживается общая тенденция к значительному уменьшению русизмов в хантыйском языке, особенно в сфере экономики и социальной жизни (см. табл. 2). На наш взгляд, данный процесс связан с ростом этнического самосознания коренных народов Тюменского края. Вместе с тем эта тенденция может и настораживать ввиду возможного разыгрывания сценария распада государства, когда упор делается на уникальность, самобытность, ограниченность языка и культуры титульного народа какой-либо автономной территории. В свою очередь, такие тенденции должны не просто настораживать, но и находить непосредственное отражение в региональной языковой политике, дабы не давать возможности сепаратистским настроениям взять верх.

В то же время мы наблюдаем увеличение заимствований из русского языка (почти в 3 раза) в региональном издании на татарском языке (газета «Янарыш» — «Возрождение»), в особенности в сфере политики, образования, досуга (табл. 3).

В психологии введено понятие этнофункциональность², которое при всех его плюсах, тем не менее не учитывает первичную роль языка в консолидации и определении вектора развития общества. Все это, по сути, требует введения этнолингвофункционального подхода в определении понятия этнической идентичности, так как «отнесение себя к определенному этносу» не позволяет достаточно дифференцированно определять степень сформированности этой идентичности и ограничивается лишь определением ее сформированности — несформированности как принятие — непринятие себя, например, как русского.

Не случайно Н. А. Купина пишет о многослойности оппозиции «свой — чужой»³. Так, по данным наших социолингвистических опросов, студенческая молодежь (студенты 1–2-го курсов филологического факультета Тюменского государственного университета) начала 2000-х гг. стала менее толерантной по сравнению с результатами аналогичных опросов середины 90-х гг. XX в. Не без влияния современных коммуникативных стратегий журналистского сообщества у тюменской молодежи отмечаются определенные изменения в восприятии «чужих» этносов коренным населением.

В коллективной монографии «“Русская ментальность” в зеркале лексических данных»⁴ на большом фактическом материале показаны фундаментальные черты русского национального характера: тенденция к крайностям, эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни, недостаточность логического и рационального подходов к самой жизни, тенденция к «морализаторству», идеализм, пассивность, фатализм, нелюбовь к дисциплине. По мнению авторов, эти черты нашли яркое отражение в различных лексических сферах русского языка. На наш взгляд, именно эти черты русского характера способствуют формированию и яркому проявлению мигрантофобии как неприятию чужого. Об этом, в частности, свидетельствуют статьи

Т. Воинского в газете «Тюменская область сегодня» (2004), где автор пытается доказать, что проблем миграции как таковых не существует, и всех мигрантов нужно отправить на их родину. В то же время он показывает полную беспомощность в тех вопросах, о которых берется судить, поскольку его домыслы о том, что Европа не знает этих проблем, не соответствуют действительности. В Европе давно уже работает международная организация миграции, ее отделение есть и в России. В связи с этим хочется отметить, что необходима планомерная работа по формированию этнической толерантности, прежде всего в СМИ.

Этническую толерантность как явление социальной перцепции можно понимать как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее — наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Это значит, что этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а является характеристикой межэтнической интеграции, для которой характерно принятие или позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Такое понимание адекватности группового восприятия базируется на постулате ценностного равенства этнических культур и отсутствии в этом плане преимущества одной культуры перед другой.

Мы вслед за А. В. Сухаревым и С. Л. Бухаревой⁵ понимаем этническую идентичность как систему отношений человека ко всем группам этнических признаков (т. е. этносреде) и к содержанию и последовательности стадий этногенеза собственного народа. Принадлежность к тому или иному этносу и (или) этнической системе определяется вербально-невербальным комплексом этнокультуры, специфической для региона рождения и проживания данного человека. Например, И. С. Карабулатова справедливо отмечает, что «под влиянием тесных межэтнических контактов в русских колыбельных песнях Тюменского края появились слова: «Бай-бай, пойдя, бука, под сарай, На татарина не лай, На татарку не зывай...» Или: «Баю-баюшки-баю, да вот и матушку мою. Ты по матушке — русенок, а по бате — кыргызенок»⁶.

Этноид имеет как пространственную (средовую), так и временную (историческую) составляющую. Непосредственно это находит свое отражение в региональных концепциях по национальной политике. Так, на сегодняшний день утверждены региональные концепции национальной политики в 13 субъектах Российской Федерации, в том числе в Тюменской области (в ред. от 28.03.2003 г.) и Ямало-Ненецком автономном округе (31.03.1999 г.). Дорабатываются концепции государственной национальной политики Иркутской области, основные направления национальной политики Республики Карелия, Свердловской области, Концепция региональной национальной политики Челябинской области, Концепция государственной нацио-

нальной политики Ханты-Мансийского автономного округа. Принятие концепций по национальной политике обусловлено, на наш взгляд, не просто стремлением сформировать толерантное отношение к представителям различных этносов в условиях многонационального региона, но прежде всего необходимостью воспитания этноида с архегенических позиций⁷. Гармоничное соотношение архегении как традиционного начала в человеке и анархегении как проявления процессов глобализации, безусловно, находит свое отражение и в современном этнолингвоинформационном пространстве.

Не случайно в своей работе В. А. Тишков последовательно проводит мысль о том, что этнос — искусственный конструкт, для реальных исследований гораздо важнее региональная идентичность⁸. Это заявление, на наш взгляд, имеет далеко идущие последствия для лингвистической науки, базирующейся во многих своих исследованиях на историко-этнографическом подходе.

В целом образ того или иного народа, существующий в массовом сознании тюменцев как жителей полиэтничного региона, может быть исследован путем выделения когнитивной, социальной и индивидуально-личностной характеристик⁹. Когнитивный компонент содержания социальных представлений затрагивает описание предметного содержания профессиональной деятельности представителей этноса. Социальный аспект выражается в характеристике положения типичных представителей народа в обществе, а индивидуально-личностный заключается в рассмотрении психологических особенностей отдельных представителей этноса. Кроме того, важной особенностью представляемого портрета является отношение к данному этносу и оценка. Например, образы современного российского корейца, чеченца, украинца, русского, существующие в настоящее время в тюменском обществе, являются, на наш взгляд, сложно организованным феноменом, где присутствуют различные параметры.

Архетипическими представлениями архэтноса в таком случае будут конкретные представления или предпочитаемые людьми образы этнической идентичности (этноиды), более или менее соответствующие реальной этнокультурной и природной среде обитания конкретного человека. Везде и всюду в настоящее время происходит массмедийное конструирование событий, поскольку «глобальные медиа во все большей степени становятся инструментом мобилизации, которая может осуществляться поверх границ национальных государств»¹⁰.

СМИ на сегодняшний день четко структурировались, выстроившись в иерархию, наверху которой находится телевидение. Так, по данным И. А. Полуэхтовой основные представления о мире люди получают благодаря телевидению (до 80 % в разных группах), опережая традиционный институт социализации, трансляции знаний и культурных ценностей — систему образования. Печатные СМИ и книги сохранили ценность первоис-

точников только для четвертой части населения (20–25 %). По данным исследования, никогда не читают журналов 53 % городских жителей, беллетристику — 44 %. Интернет как источник знаний в 2000 г. был важен только для 5 % опрошенных¹¹. И это накладывает большую ответственность на СМИ при формировании современного информационного пространства.

Моделирование диалога в информационном пространстве создает эффект толерантности. Но при этом тюменские СМИ, создавая этот эффект, зачастую нарушают этические нормы, особенно при описании межэтнического общения. Например: *чужие не имеют права здесь жить; украинцы вляпались в большую Кучму; нужна ли мигранту нянька?; кавказские гетто; назойливые лица цыганской национальности* и т. д.

Считается, что одной из часто применяемых технологий распространения этнофобии в СМИ является создание и распространение негативных этнических стереотипов, таких, например, как: *все цыгане — воры; все узбеки необразованны; все кавказцы — бандиты; все русские — пьяницы и лентяи*. Кроме того, этническое насилие в СМИ проявляется и с помощью распространения интолерантных идей: *нелегальные мигранты работают за маленькие деньги — занимают рабочие места; все таджики, (узбеки, азербайджанцы и др.) живут здесь без документов; мигранты могут выполнять только самую «грязную» работу; и др.*

Нами исследовано 28 текстовых материалов телевизионных информационных сообщений программы «Тюменское время», вышедших в эфир в период с сентября 2004 по июнь 2006 г., касавшихся вынужденных переселенцев и мигрантов. Следует отметить, что эта тема в выпусках новостей «Тюменское время» за указанный период затрагивалась редко — в среднем один-два раза в месяц. (Мы не учитываем количество повторений сообщений в эфире в течение суток.) Известно, что в 2004–2005 гг. тема мигрантов и вынужденных переселенцев была наиболее актуальной — сообщения находятся на первых позициях в верстке программы, что свидетельствует о важности информации. С середины 2005 г. ведущие позиции для такого рода сообщений нехарактерны и тема нелегальной трудовой миграции уступает место теме переселенцев. Среди характерных черт можно отметить:

1) использование термина, имеющего негативную стилистическую окраску, г а с т а р б а й т е р. Другая лексика: *Война (борьба) с нелегалами; некому купить им билет на Родину; Содержание «дорогих гостей» обходится примерно 400 рублей в день; Домой нарушители паспортно-визового режима добирались в комфорте и явно не за свои деньги; Это гарантия, что мигранты не осядут где-нибудь в другом городе или, того хуже, не вернуться обратно в Сургут; прейскурант для нелегалов; культурно далекие* (Тюменское время. 2006. Апр.);

2) нагнетание негативных эмоций: *Однако нельзя забывать, что гастарбайтеры, приезжая в страну, решают свои финансовые, а не наши общие*

экономические и тем более демографические проблемы (Тюменское время. 2006. Июнь);

3) провокационные заявления чиновников: *А в Сургуте ищут свои способы борьбы с нелегалами. Уже несколько раз гастарбайтеров выдворяли за пределы города. А недавно сургутские власти пошли на весьма жесткую меру. Они объявили, что в новом учебном году школы города не примут детей, не имеющих российского гражданства* (Там же. 2005. Июнь).

За этим простым перечнем новостных тем видится лишь верхушка айсберга. С одной стороны, мы видим нагнетание атмосферы, гиперболизацию происходящего как способа представления информации, а с другой — эксплуатацию глубинных архетипов оппозиции «свой — чужой» в современном российском обществе. В погоне за зрителем организаторы настолько отдаляются от сути события, что при подаче его нередко преподносят в извращенном, но шокирующем виде.

Кроме того, нами был проведен социолингвистический опрос, в котором приняли участие 140 человек различного возраста (от 18 до 62). В выборку были включены студенты тюменских вузов, овладевающие как гуманитарными специальностями (филология, журналистика, юриспруденция), так и специализирующиеся в области точных наук (математика, проектирование). Интерес к студенчеству был продиктован тем, что именно этот возраст характеризуется формированием собственных социальных, этнических, политических, идеологических представлений. Базовым инструментом сбора данных выступил свободный и направленный ассоциативный эксперимент, целью которого было выявление представлений респондентов об этносах, проживающих в настоящее время в Тюменской области. Полученный таким способом материал позволяет выявить наиболее часто встречающиеся категории и создать семантическое пространство, отражающее изучаемое понятие.

При свободном ассоциативном эксперименте участникам опроса предлагалась в качестве слова-стимула сам этноним, при направленном ассоциативном эксперименте (методика дополнения) предлагалось восстановить фразу: «Этноним (русский, украинец, чеченец и т. д.)... надел... взял... сел... и отправился...». Таким образом, формулировки были направлены на актуализацию когнитивного и эмоционального компонентов установки респондентов по отношению к современным этносам. На наш взгляд, стоит отдельно остановиться на восприятии жителями Тюменского края такого этноса, как чеченцы, в связи с активно формирующейся кавказофобией в региональных и федеральных СМИ. Итак, чеченский этнос воспринимается крайне негативно, причем в ассоциациях преобладают реакции, связанные с войной, заложниками, террором и т. п. Причем то обстоятельство, что чеченцы активно участвовали в освоении нефтегазоносных месторождений Западной Сибири, вытеснено из сознания современных тюменцев.

Следует отметить, что молодые представители чеченского народа, принявшие участие в эксперименте, также крайне негативно оценивают свой этнос из-за событий в Чечне. Среди ассоциаций нами зафиксированы следующие: *злой, хитрый, вредный, черный, мстительный, страшный, жестокий, грубый* и т. п. И ни одной, отмечающей какую-либо положительную характеристику!

Среди частотных ассоциаций на слово-стимул *чеченец* были выделены: *террористы, война, маскировочный халат, «Норд Ост», страх, боевики, захватчики, враги, оружие, зло* и т. п.

Вместе с тем в опросах молодые люди Тюменской области на вопрос «С представителем какой национальности Вы не хотели бы вступить в брак?» около половины опрошенных ответили: «Чеченцы, т. к. от них исходит угроза террора». В эту же группу были отнесены ингуши, кабардинцы, балкарцы, грузины, армяне. Такое отношение к целому народу как *persona non grata* также способствует увеличению культурных дистанций, порождающих отторжение «чужих». Среди, наоборот, предпочтительных национальностей партнеров были указаны «своей национальности», «своей веры».

В то же время в направленном эксперименте этноним *чеченец*, как правило, *надел бурку, черную одежду, маскировку, очки, халат, кожаный плащ, взял оружие, гранаты, взрывчатку, наркотики, сел в машину, самолет, поезд* и *отправился на вокзал, на войну, в горы...* Думается, такой отрицательный образ, который сформирован благодаря нашим СМИ, стереотипам, сложившимся в семье, в среде обитания (в том числе на улице, рынках, в учебных заведениях и т. д.), никак не способствует формированию конструктивного диалога между представителями разных народов на бытовом уровне.

В то же время восприятие не только азиатских этносов далеко от реальности, но и многих субэтносов Кавказа. Как показывают данные свободного ассоциативного эксперимента, для респондентов Тюменской области малые народы Кавказа вообще неизвестны, несмотря на то, что их представители проживают в Тюменском регионе: рутульцы, ахвахцы, абазины, агулы, ингулоиды и т. д.

Однако стоит отметить, что неотрегулированная этноязыковая политика в регионах и в стране в целом приводит к таким необъективным результатам, когда образ этноса, проживающего в регионе, складывается не из реальных фактов, а из вымышленных героев различных сериалов-боевиков, рекламных роликов и т. п., где акцентируется внимание на отрицательных национальных стереотипах восприятия другого этноса, формируя, таким образом, в целом негативную установку на представителей иных национальностей.

Таким образом, при внешней декларации о том, что нашему обществу чужда мигрантофобия, налицо ее яркие признаки: нетерпимость, враждебность, страх. На сегодняшний день мы имеем замкнутый круг, когда СМИ

оказывают колоссальное воздействие на основу общества — семью, которая начинает продуцировать новые нормы и правила, ориентированные на обезличенные ценности Запада. В то же время социум перестает на них (правила) реагировать как на нечто чужеродное.

Вытесняя приезжих в своеобразные гетто, мы порой не задумываемся о языковой и поведенческой культуре, хотя в то же время исследователями подчеркивается необходимость формирования умений различных дискурсивных практик¹². Разнородность подходов при отсутствии явных доминант дает неоднозначность трактовки и самого этнолингвоинформационного пространства современного российского региона, в котором содержится взрывоопасный потенциал.

Все это в целом заставляет задуматься о том, насколько объективна информация, представляемая СМИ, формирующая сознание обывателя, проживающего в полиэтничном регионе, и вместе с тем определить приоритеты государственной политики в области этноязыковой политики в таком сложном регионе, как Западная Сибирь.

¹ См.: *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1998. С. 17–25.

² См.: *Сухарев А. В.* Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // *Вопр. психологии.* 1996. № 4. С. 81–93.

³ См.: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Кол. монография / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004.

⁴ *Зализняк С. М., Левонтин М. Б., Шмелев Г. В.* «Русская ментальность» в зеркале лексических данных. М., 1995. С. 38–39.

⁵ *Бухарева С. Л.* Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

⁶ *Карабулатова И. С.* Ксенофобия и толерантность: к специфике восприятия этносов носителями современного русского языка на юге Западной Сибири // *Толерантность в межконфессиональном и межэтническом взаимодействии: Материалы междунар. науч.-практ. конф.* Оренбург, 2005. С. 164–169.

⁷ См.: *Ниязова Г. М.* Этнолингвофункциональная архегения и анархегения и современное информационное пространство // *Русский язык в Азии: современное состояние и тенденции распространения: Материалы Форума русистов Азии и Конгресса Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы.* Улан-Батор, 2007. С. 56–59.

⁸ См.: *Тишков В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // *Вопр. социологии.* М. 1993. № 1. С. 4.

⁹ См.: *Ярошевский М. Г., Юревич А. В., Аллахвердян А. Г.* Программно-ролевой подход и современная наука // *Вопр. психологии.* М., 2000. № 6. С. 3–18.

¹⁰ *Иванов В. Н., Назаров М. М.* Массовая коммуникация в условиях глобализации // *Социс.* 2003. № 10. С. 16–19.

¹¹ См.: *Полуэхтова И. А.* Телевидение глазами зрителей // *Человек и современный мир.* М., 2002. С. 372; *Смирнов В. В.* Сакральный топос в мировосприятии населения юга Западной Сибири // *Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики: Кол. монография / Под общ. ред. И. С. Карабулатовой.* Тюмень, 2005.

С. 64–82; *Хотинец В. Ю.* Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург, 2002. С. 124; *Вернадский В. И.* Введение в геоигиену. М., 1966; *Ярков А. П., Ереско М. Н., Видт И. Е., Мальчевский А. В.* Конфессии и религиозные объединения в Тюменской области: Справ. / Под ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2005. С. 280; *Мустайоки А.* Толерантность в государственной языковой политике и в коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. С. 87–108.

¹² См.: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации.

Статья поступила в редакцию 05.09.2007 г.

В. И. Сапунов

ИСЛАМСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МЕДИАСЕКТОРА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Современные медиапроцессы в Азии необходимо рассматривать сквозь призму основных политэкономических и социокультурных факторов мировой медиасферы в начале XXI в.: неравенства в доступе к коммуникационным ресурсам, недостатка демократичности в глобальных медиапотоках, доминирования дискурса нелиберальной глобализации, противоречий технологического прогресса, различия подходов к культуре работы с информацией и этическим стандартам ее распространения. Азиатский континент неоднороден и с трудом поддается обобщениям. В контексте глобальных информационных процессов представляется наиболее актуальным обратить внимание на три фактора развития азиатского медиапространства: исламскую теорию коммуникации, функционирование катарского спутникового канала «Аль-Джазира» и основные черты китайского медиасектора на фоне нелиберальных экономических реформ в КНР.

Пожалуй, важнейшим и наиболее противоречивым фактором развития азиатского медиапространства на рубеже XX–XXI вв. стал ислам, который воспринимается в качестве альтернативной западной модели модернизации. Именно в Азии расположено большинство исламских стран, именно азиатские страны исторически и логически определяют онтологию и философию ислама. Поэтому уместно анализировать исламскую концепцию коммуникации сквозь призму социокультурных и политэкономических процессов на этом континенте.

САПУНОВ Владимир Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры телевизионной и радиожурналистики Воронежского государственного университета (E-mail: vsapunov@yahoo.com, root@jour.vsu.ru).

© Сапунов В. И., 2007